

ВЕРА ЗВЯГИНЦЕВА
ПО РУССКИМ
ДОРОГАМ
СТИХИ

СП

ВЕРА ЗВЯГИНЦЕВА

**ПО РУССКИМ
ДОРОГАМ**

СТИХИ

советский писатель
1946

*ПО РУССКИМ
ДОРОГАМ*

* * *

Повиликой молодость повяла.
Жизнь, нельзя сказать, чтоб удалась.
Все же повторяю, как бывало:
Слава той, что ливнем пронеслась,

Слава жизни строгой, быстротечной,
Слава избранному мной труду —
Русской речи, ясной и сердечной,
На земле, в которую уйду.

Горькие достались нам потери,
Но была нам не в беду беда,
Жили мы, высокой правде веря,
Ей не изменяли никогда.

Вправду, этот мир мы посетили
В необыкновенные часы,
На пиру великом погостили,
Навидались досыта красы.

Если б в смертный час меня спросили:
Чем же здесь ты счастлива была?
Я б сказала: я жила в России,
По ее дорогам я прошла.

1944

ПОЭЗИИ

Ты меня выручала,
Грела в мороз теплом,
Ты мне была причалом,
Парусом и веслом,

Ранней моей любовью,
Поздней моей звездой,
Телом моим и кровью,
Радостью и бедой.

Чем же тебе отвечу,
Чем тебя отдарю?
Поздно, осенний вечер
Гасит мою зарю.

Ягодами рябины
Я слова нанижу.
Все тебе, друг единый,
Как на духу, скажу,

Все, чем жила, болела
В трудной моей судьбе,
Все, чего не допела,
Я допою тебе.

ЗИМА 1941--1942 гг.

Г. Г. Антокольскому

Луна леденела на северном небе,
Сжигая сугробы алмазным огнем.
Мы жили в заботах о свете и хлебе,
Несчастья без спросу входили к нам в дом,

Болезни глушили озябшие души,
А вьюга ревела в трубе, как в степи,
Свистела, трубила настойчиво в уши
Старинное русское слово: терпи.

Еще при луне мы вставали с постели,
Холодной водой запивали кусок.
Гудки заводские высоко гудели
Над ветхою кровлей из шатких досок.

О, как на Урале работа кипела
Все долгие сутки зимы роковой!
Крепя, поднимая военное дело,
Работали Ббсьй и Сороковой,

Упрямые люди уральской закалки,
С железным и каменным блеском в глазах,
Быть может, такие ж сражались на Калке,
В степи под Полтавой, в альпийских снегах!

Что нам согревало обмерзшие руки
В нетопленной комнате этой зимы,
Что нас утешало в нежданной разлуке?
Не робкое «я», а суровое «мы».

И мы ощутили под мерзлой корою
Весеннюю, полную соков, траву.
В те зимние дни отстояли герои
Мое незакатное солнце — Москву.

1944

НАША МУЗА

Нет, не печальницей кроткой, —
Муза приходит в твой дом
Краткой военной сводкой
И вдохновенным трудом,

Музыкой шума земного,
Виденьем доблестных дней, ---
И зарождается слово
Песни правдивой твоей.

Это давнишние узы:
Делит с поэтом судьбу
Наша военная муза
С гневной складкой на лбу.

.944

ВОЙНА

Не в мраморном шлеме Паллады
Пред нами предстала она.
Ты видишь: у Летнего сада
Идут за отрядом отряды.
Ты помнишь людей Ленинграда,
Когда произносишь: Война.

Обмерзшие грубые руки,
Простреленный противогаз,
Подлодок закрытые люки,
Возлюбленных видишь разлуки,
Детей перепуганных муки,
Белки закатившихся глаз.

И девушку в серой ушанке,
И русую прядку на лбу.
От юной руки партизанки
Расплавившиеся танки.

Ты видишь в лесу на полянке
Товарища в снежном гробу.

И славу высокого лада
Провидишь ты в слове Война:
Нас встретят у Летнего сада
Огни и цветы Ленинграда,
И русая наша Паллада,
И русская наша весна.

1943

ПРИЛУКИ

Прилука памяти моей,
Зеленые Прилуки!
О пряди ивовых ветвей
Вблизи речной излуки!

Рассада скромной резеды
На круглых клумбах сквера.
Ее теперь чернят следы
Берлинца-офицера.

Еврейских девушек тела
На дне реки глубокой.
Там смерть их плечи обвила
Кровавою осокой.

Я помню маленький балкон
На улице Вокзальной
И украинский небосклон
Голубизны хрустальной.

Портного помню за углом
Кирпичный домик новый, —
Теперь разрушен этот дом,
Нет старого портного.

Улыбка летней доброты, —
О городок Прилуки!
В те дни поверить мог ли ты,
Что примешь столько муки,

Что ты услышишь грубый зык,
Что станешь ты руиной.
Как страшен он — чужой язык,
Под небом Украины!

Но через муку, через кровь
И пропасти разлуки
Вернутся радость и любовь
В зеленые Прилуки.

Мой город! Будет ночь твоя
Прозрачной, соловьиной.
Ты встанешь из небытия,
Ты будешь Украиной!

МОСКВЕ

Ты моя сила неистребимая,
Ты — как судьба — у меня одна.
На́ небе вечер горит рябиновый,
Снежною кромкой блестит стена.

Храм пестроглавый, резной, узорчатый,
Словно диковинный яркий плод.
Ночью — за спущенной шторой сборчатой —
Острого месяца синий лед.

Если согнусь от кручины-горести, —
Слезы ладонью с лица сотру.
В городе славы и чистой совести
Встану и выпрямлюсь поутру.

Снова ты, радость неистребимая,
В сердце воскресшем моем жива, —
Рядом со мною моя любимая
Юная сталинская Москва.

1943

КРЫМ

Вновь дорогие имена:
Джанкой и Перекоп,
Сивашской соли седина
В сияньи лунных троп.

О боль феодосийских стен,
Израненных камней!
Окончен твой тяжелый плен,
Край радости моей.

Опять запахнет чебрецом
Таврическая степь.
Раскинется перед бойцом
Холмов весенних цепь.

И солнце юга озарит
Гвардейцев молодых.
Сама земля благодарит
Защитников своих.

1944

ПОЭТУ-ФРОНТОВИКУ

Когда в московскую квартиру
В рабочий вечер, с тишиною книг,
Внезапно из большого мира
Приходит старый друг твой — фронтовик,

Совсем особую стеснительную нежность
Ты чувствуешь к погоням на плечах,
К его усмешке, столь не схожей с прежней,
И к сиплой нотке в дружеских речах.

А он уж отодвинул чашку чая
И, с самодельной книжечкой в руке,
Встает, как прежде, нараспев читая
Стихи, написанные вдалеке.

В стихах — война, и ненависть, и горе,
И озорная юная игра.
С неправдою оружием правды споря,
Он знает цену гнева и добра.

Не погасила силы вдохновенья
Тяжелая и долгая война.
Не праздник, нет, и не отдохновенье —
Работа, что судьбой ему дана.

И вдруг, гордясь находкою словесной,
Румянцем заливается поэт.
И комната звенит военной песней,
Широкой, свежей радостью побед.

Тогда наплыв стремительного счастья
Нас заставляет руку сжать ему —
Поэту, капитану Н-ской части,
Товарищу родному моему.

ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ

У меня с Замоскворечьем
Издавна такие встречи:
По мостам идешь крутым,
А навстречу — добрый дым,
Колоколенки, заборы,
Ствол березы белокорый.
Загляну во двор церковный:
Что там пёресли морковной,
Что укропу да крапивы
Под ветвями старой ивы!
Недалёко, по соседству,
А приходишь прямо в детство.
Будто прежде, будто дома,
Будто все, как есть, знакомо.
Впору выбежать в платке,
Босиком пройти к реке,
Зачерпнуть воды студеной
Медным ковшиком луженым.

Будто время — не сесть,
А пора — помолодеть.

...У меня с Замоскворечьем
Трудные бывали встречи.
По Ордынке и Полянке
С грохотом ходили танки.
Черный дым валил из труб,
Песня не слетала с губ...
Здесь мы жили, здесь любили,
Здесь мы молодость забыли,
Стали горько ненавидеть,
Стали слишком зорко видеть.

Все ж всегда с Замоскворечьем
Я бывала рада встречам.

1943

* * *

А. С. Ерофееву

Когда мы будем праздновать победу
И в затемненном сердце вспыхнет свет, —
Мой друг, мой строгий, ты уж не посетуй,
Мне будет в этот день семнадцать лет.

Я отведу рукою все больное
И вновь, как на пороге бытия,
Увижу небо чистое, родное,
Какое в детстве видывала я.

Мы станем жить с раскрытой настежь
дверью,
К нам хлынут звезды, песни, милый труд.
Мы станем жить в признательном доверьи
К земле, где так воют, так поют.

Вовек ее душевного здоровья
Не пошатнуть чужой неправоте.
Мы побратали ненависть с любовью
И научились новой доброте.

1945

* * *

В. В. Гольцеву

Всю жизнь у жизни мы в долгу.
Как отплатить за все, что снится,
За все закаты, все зарницы,
За все костры на берегу?
Я, неоплатная должника,
Об этом только петь могу.

Я знаю истину одну, —
Что каждый вдох и выдох — счастье.
Что все обиды и напасти
Булыжником идут ко дну,
А крепкие выносят снасти
Корабль на чистую волну.

И эта грозная война
Навек останется примером

Того, что жизнь не изуверам,
А верящим в добро дана.
Как отплачу я полной мерой
За жизнь в тебе, моя страна?!

* * *

О. Н. Фрелиху

День стоит большою чашей.
В чаше дивное питье.
Отчего же ты все чаще
Скучно смотришь на нее?

Или жажда оскудела,
Или сам же ты в вино,
Обижая винодела,
Сыплешь горечи зерно?

У меня ж одна досада,
Что не все мои друзья
Слышат сладость винограда
В терпком холоде питья.

1945

* * *

Только бы и петь о том,
Как антоновки литые
Пахнут русским холодком,
Как березы золотые
На холме шумят крутом,
На холме времен Батя, —
Только бы и петь о том.

Только б словом передать
Сизый бархат вербной ветви,
Волн упругих благодать,
Черноморский легкий ветер!
Как обидно умирать,
Как завидно жить на свете, —
Только б словом передать!

1941

* * *

Н. А. Белевцевой

И старость тоже хороша:
Отбушевала, отшумела,
Перебродила ты, душа,
И под навесом шалаша
(А снег — сиреневый и белый,
Блестят сугробы — благодать!)
Ты начинаешь зимовать.

Костер из отсыревших сучьев
Горит не сильно, а тепло.
Так, не безумствуя, не мучась,
Не сетуя на злую участь,
Живем. . . Что ж! Прошлое—прошло.
Осталось так немного жить,
Как жизнью нам не дорожить!

Есть солнце. Песня. Дальний путь.
Подумай, разве это мало?

И воздух есть, входящий в грудь,
И старый друг твой — не забудь!
Что за беда, что ты устала,
Плывя по волнам бытия,
О сердца ветхая ладья!

И старость хороша, мой друг,
И, отраженный в полных водах,
Хорош луны неяркий круг,
И к вечеру усталых рук
Блаженный и недолгий отдых.
... Лишь надо — не глядеть назад,
Забить калитку в старый сад.

1945

ВОСПОМИНАНИЕ

У каждого свои заметы,
Зарубки жизни на душе.
Порой одна строка поэта,
Луч солнца в старом шалаше,
Какой-нибудь невидный случай
Становятся твоей судьбой,
И сколько жизнь тебя ни мучай,
Они останутся с тобой.

Над бурой глиною обрыва
Меж сосен папоротник рос,
Колени обстрекав крапивой,
Я забиралась на откос
Читать стихи друзьям-деревьям
С распевом на высокий лад;
Вдали, бывало, на деревне
Сонливо петухи кричат,
Над мелкою татарской речкой

Телега грузно прогремит,
А после далекó-далече
В степи чуть слышно тарахтит.

Поэзия! С какою силой
Обрушивался на меня
Чужой беды запев унылый!
Мне душу детскую тесня
Отчаяньем полупонятым,
Захлёбом в горле и груди,
Стихи — вы были зовом внятным
В мир, еле зримый впереди.

Жара над соснами звенела
Тугою золотой струной,
Блаженно веселили тело
Сухие запахи и зной,
Седою большекрылой птицей
Распластывались лопухи,
И я страницу за страницей
Читала лопухам стихи.
Но... вдруг, схватив за сердце, срыву,
Испуг дыханье мне пресек:
Припав к заросшему обрыву,
Лежал и слушал человек.

В пыли, в изорванной одежде,
Кто был он? Как забрел сюда?
Казалось, в этом крае прежде
И не бывал он никогда.

— Читай, чего ж ты замолчала? —
Он ласково проговорил,
А сердце от стыда стучало,
Бежать бы прочь, что было сил.
Но в темных впадинах синели
Такие добрые глаза,
На рукаве его шинели
Сидела тихо стрекоза.
Мне вдруг припомнились рассказы
О беглых, скрывшихся в лесах,
И полицейские указы,
Расклеенные на столбах.

И странно так на сердце стало.
Я книгу подняла с земли,
Опять, опять стихи читала,
И слезы радости текли
И на щеку мою ребячью,
И по морщинам беглеца...
Но, впрочем, и сейчас я плачу.
Над чем? Над близостью конца,

Над невозвратным этим летом,
Над первым братством, над тобой —
Моей судьбы неровным светом?
Над той ли узкою тропой
В яру заросшем, позабытом,
Уведшей брата моего,
Быть может, к давним правым битвам
За счастье края своего?

1941

ЯРОСЛАВНА

Тихо мерцает серьга голубая,
Косам завидует ива любая,
Ветви купая в озерной воде.

Спится, не спится... и князь
не приснится.

Давеча билась в окошко синица:
Словно бы к новой какой-то беде.

Солнце в оконце глядит слюдяное...
Скучное солнце сегодня какое.
Нету доселе от князя гонца.

Очи отерла холщевою тканью
Да потихонечку, раннею ранью,
Тяжко вздыхая, спустилась с крыльца.

Легкой стюпою на тропку ступила.
Чу!.. где-то кличет кукушка уныло.
— Ой, горемычная, словно как я.

Тих опустевший Путивль. Недалёко
Спит городская стена одиноко.
Скорьбь посетила родные края.

Бьется за русскую землю дружина,
Чтобы над ней воронье не кружило,
Бьется далече родимая рать.

По́ небу тучи плывут и уходят, —
Доблесть высокая в юном народе
Будет с веками расти и мужать.

Век ли кручиниться нам по светлицам,
Косам неприбранным по ветру виться,
Бисеру слёзному очи мутить?

Утро росистое. Пахнет как славно.
Ветер платочек сорвал с Ярославны.
— «Всё бы тебе, господине, шутить».

Встала над тихой путивльской стеною,
Запричитала кукушкой лесною,
Слышат — не слышат в степи ковыли.

Руки простерла в печали-кручине:
«Ветер, ветрило, к чему, господине,
Мечешь хиновские стрелы вдали?»

Утренний ветер в ответ ей крепчает,
Ветер полыни седые качает,
Треплет кустарник, ветлою шумит.

Воды днепровские там, за холмами,
Плещут, встают буревыми волнами:
— Чей это голос нас горько корит?

Солнце малиной зарделось далече,
Слушает женские смелые речи,
Спряталось в облачном легком дыму.

Слышит князь Игорь: не копыя запели,
Ветер поет—как над вешней капелью—
Голосом лады в далеком дому.

1939

И звенит, звенит с соседкой в паре
Рифма, словно бубен золотой.

— Мочи нет — и холодно и скушно,
Снег валит все пуще за окном.
Давеча, как вихрь, ворвался Пушкин,
Промелькнув лицейским вольным сном.
Длинные стоят в России ночи.

Спит страна, как в сказочном гробу.
Гроб качнется, распахнутся очи, —
Жизнь прогонит мачеху-судьбу.
Далеко, сквозь годы и сугробы,
Сквозь бессонницу глядят глаза.
Это будет! Иначе нельзя!
Оборвутся злые цепи гроба
И «Россия вспрянет ото сна».
Вспомни и о нем тогда, об этой
Деревеньке, что лежит, темна,
Сонной снеговой тюрьмой поэта...

Снег на стеклах — елочки, и звезды,
И медвежьи лапы, и мостки...
Спать пора. И холодно и поздно.
Сало свечки каплет на листки.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕР

Мы ждали гостей; удивительно было
Как жалобно задрезжали звонки.
От мягких мерцаний свечей закружило
В глазах. А в передней — плащи,
башлыки. . .

В дверях покачулся, как тень Дон-Кихота,
Глаза прикрывая, нескладный поэт.
И крикнули сзади: «Вильгельм, отчего ты
Стоишь одиноко? Лицейских тут нет?»

Входили, с морозу и с прошлого свежи,
Веселой гурьбою, друзья Декабря,
И пунш синеватым сияньем забрезжил,
Над круглой серебряной чашей горя.

Знакомились гости. И тосты звенели,
И я узнавала любимых давно:
Вон там Полежаев в солдатской шинели
Невесело крепкое тянет вино.

С брюзгливой усмешкой, ссылаясь
на холод,
Закутался автор «Кречинского» в плед,
А вон, — распахнувши рубашечный ворот,
С гитарой поет, под сурдинку, поэт.

Цыганской венгеркой заплакали стены,
И гости затихли, и свечи трещат...
В углу Огарев потирает колено,
Свой добрый и грустный потупивши взгляд.

Их много. Различны одежда и речи.
Сдна неудача большая у всех —
Высокие души, усталые плечи.
Столетний за окнами падает снег.

И кто-то спросил, узнавая соседа,
Пытаясь рассеять горячий туман:
— А вы как попали сюда, Грибоедов? —
«Как Вы же — от горя, как Вы —
от ума».

* * *

Красноармейцы слушают Шопена.
Играет рыжий юный пианист.
Освободив чужую жизнь из плена,
Несет ее, нарядной и нетленной,
Шумящей грустью, как осенний лист.

Несет ее, кладет ее в ладони —
В сердца притихших молодых бойцов.
Она седою горлинкою стонет,
Серебряной ракитой ветви клонит
Над старым покосившимся крыльцом.

И русский парень, подпершись рукою,
Задумался, внимателен и тих.
Бывало, так сидел он над рекою,
Над Камою, Днепром или Окою
В родном селе, под сенью ив густых.

Шумит рояль. Не гонор панской
Польши, —

Душа народа плачет и поет
И жалуется все теплей и горше.
Но вот ее уже не слышно больше.
Гремит прибой... гроза или поход?

И, опуская руку на колено,
Боец внимает бурным голосам.
В груди отвага — нежности на смену.
Далеко где-то озеро Хасан...
Красноармейцы слушают Шопена.

САРАТОВСКАЯ ЗЕМЛЯ

За окошком кричат небывалые медные
птицы, —
То меня окликают ночных паровозов гудки.
Мне от песен неспетых, непройденных
тропок не спится.
Не измерить душой, как судьбы нашей
дни широки.

Полевою клубникой да сотнями солнц
курослепа
Зацветай, запевай, знаменитый
саратовский край!
Любо вылепить словом хоть маленький
глиняный слепок.
Память сердца, сыграй по-старинке мне
песню, сыграй!

Бунтарскою славой,
Частушкой лукавой
Да хлебом богатый
Веселый Саратов.

Смоляной ветерок
Да родной говорок,
Чернозем-поля,—
Хороша земля.

Поет ветер, веет:
Степан Тимофеич!
Стал славой заволжской
Утес твой за Вольском.

Соколова гора
Молода, — не стара...
Тут в тринадцать дул
Вольный ветер дул, —

То рать Пугачева
Защиту цареву,
Не думая долго,
Разбила над Волгой.

Где теперь городок и театром гордится,
и хромом, —
Там, в Труёве-селе, словно в омуте,
было темно.

Там кузнец да бочар гнули черную,
потную спину.
Позабывтая вотчина... беглый
да пришлый народ.
Посчитай-ка дворы да на версты
померяй кручину:
В катерининский век ненарядно Россия
живет...

Таратайка по пыльной дороге заедет, бывало,
Из поместья недалнего... Смуглый
барчук поглядит
На ребят, чуть живых, да на женщин,
согбанных устало.
Душу детскую совесть пчелиным укусом
язвит...

Из селенья Аблязова с узенькой речкой
Тютняркой,
С пышной липовой рощей да редкою
в храме резьбой,

Как по селам проедешься засухой, мертвой
и жаркой, —
Наглядишься, наплачешься над человеческой
судьбой.

Был в Аблязове дом — нынче дома того
не разыщешь,
Был заросший овраг — он такой же
сегодня, как встарь.

Здесь когда-то родился и бегал над
речкой Радищев —
Первый мученик слова и мысли горячий
бунтарь.

Молодой якобинец на русских дрожжах
поднимался,
Низко серые тучи над детскою шли
головой.

Он от сверстников нищих российской
тоски набирался,
И саратовской удалью искрился глаз
о невой.

Как мне любо, что здесь, — где смородиной
и повиликой
Мое детство пропахло, где в мелкой
речонке, в грозу,

Про Царицын друзья поминают в рассказах
и песнях, —
Это будет былиной певучей в народных
устах:
Как бежал подлый враг, отступая,
со сбитою спесью,
Как над городом цвел торжествующий
Сталинский стяг.

Не пристало нам хвастать ни званьем,
ни чином, но в сердце
Всё ж мы тайно гордимся, — причина той
гордости есть:
Все мы веры советской горячие
единоверцы,
И своя у нас совесть, своя большевистская
честь.

Тронешь в поле травинку, — как в губы
целуешь отчизну.
Далеко, далеко убегают по росам поля...
Разве можно расстаться с упрямою этою
жизнью,
С этим ветром полынным, с тобою, родная
земля?!

II

Пушистый подорожник шевеля,
Упругий ветер плавает над нивой,
Саратовская старая земля
Лежит помолодевшей и счастливой.

Идет межой веселый пешеход,
Поблескивают на груди награды.
Всех бережней саратовец несет
Медаль за оборону Сталинграда.

Ты бронзовую памятку сними
И — на ладонь. Гляди, как смотрят
в воду:
Забрезжит все, свершенное людьми
В те дни незабываемого года.

Бывало: чаши роковых весов
Клонились то налево, то направо,
И на одной: смерть, торжество врагов,
А на другой — бессмертие и слава.

О, сколько, сколько тяжести земной,
Усилий, горя, непорочной крови
Легло на эту чашу, чтоб родной
Земле вернуть свободу и здоровье!

Идет межой веселый пешеход.
Залечивает славный город раны,
Звенит, стучит, попржнему поет,
По-новому глядит за океаны.

Нечванной гордостью и добротой
Здесь дышат улицы и перекрестки,
Те самые, где шел смертельный бой,
Где пальцы жег мороз колючий, жесткий.

Шепни тихонько слово: Сталинград.
А эхо громко отзовется: Волга!
Как знамя, заколышется закат
Багровым шелком, от тумана волглым.

Вновь имя Сталинграда повтори,
И эхо дважды отзовется: Слава!
И до каймы малиновой зари
Поднимутся саратовские травы.

К ПОРТРЕТУ МАТЕРИ

Вот предо мною портрет твой с лицом
исхудалым.

Мальчик сидит на руках у тебя годовалый.
Сумрак предгрозя. Восемидесятые годы.
Первые поиски правды, добра и свободы.
В комнатах низких до света дымят
папиросы.

Слухи о стачках. Студенткою русоволосой,
Глядя задумчиво на облака заревые,
Имя Ульянова ты услышала впервые.
Машенькой звали тебя. Называла б
я мамой,

Да не успела, — потух огонек неупрямый.
Мне рассказали, как ты, озоруя, бывало,
Так же вот, с крыш леденцы голубые
сбивала.

Как ты читала стихи детворе на деревне,
Как рисовала ты небо, пруды и деревья,

Короток был твой часок небогатый девичий,
Дальше — заботы, да горе, да чинный
обычай.

... Сколько могил на елецких, на курских
кладбищах!

Прыгают птицы по плитам, чирикают,
свищут.

Сколько осталось в шкатулках
отчаянных писем!

Что это здесь на подчаснике — слезы иль
бисер?

Розы из бисера — бедная женская слава;
Дальше — январские проруби, петли,
отрава...

Часто, когда по асфальту я звонко шагаю,
Память, как слезы, мне на душу вдруг
набегают.

Я вспоминаю товарищей, — женщин
погибших,

Нашего воздуха ртом пересохшим
не пивших,

Душные спальни-бараки и труд
непосильный.

Свод каземата мне видится, сумрак
могильный,

Синие губы закушены... Окрик
жандармов...
Сестры! Земной вам поклон от сестер
благодарных!

... Ты умирала, заброшена, в горнице
темной,
Не в каземате, но в мира темнице огромной.
В заросли трав я могилы твоей не нашла,
Только метелку душицы к губам поднесла,
Думая: если бы, если бы ты поглядела,

Как нас волной подхватило высокое дело,
Как, просыпаясь, я счастлива дружбой,
работой,
Как я волнуюсь одною с отчизной заботой.
Небо над нами качается деревом звёздным,
Вместе б итти нам с тобой по равнинам
морозным!
Мы бы с тобою, наверно, товарками стали,
Вместе бы мы «По военной дороге» певали.

... Ты мне оставила старый некрасовский
том.
Слышу твой голос в напеве угрюмом,
простом.

Вот раздвигаются губы твои на портрете.
Верно, ты знала на память «Крестьянские
дети».

Тени тихонько ложатся на впалые щеки.
Спи, — я дышу за двоих нашим ветром
высоким.

1940

КАЛИТКА

Нет, не стереть даже счастья избытку
Давнего детства любимый узор.

Я и во сне отворяю калитку
В старый, заросший крапивою двор.

Я подхожу к деревянному дому,
Вот они — восемь ступенек крыльца,

Бочка с водою и ковшик знакомый,
Крынка остуженного варенца.

Белые стены прохладной столовой,
Круглые, с боем протяжным часы.

Время! Охрипшее старое слово.

Многое взвесили эти весы.

Дальше — с балкона к обветренным

соснам,

К синим цикориям в жесткой траве,

К знойному гуду и осам несносным.

...Главной дорожки немного правей

В землю вырастает скамейка простая, —

Дай хоть во сне посижу я на ней.
Буйно вспорхнет воробьиная стая
С чахлых кустов за спиною моей.
Я просыпаюсь в московской квартире,
День мой заботами обволокло.
Я не скажу, чтобы мне в этом мире
Холодно было... О, нет — мне тепло:
Дороги мне наши полные годы,
Ветер широких поленных степей,
Дороги песни родного народа —
Добрые спутники жизни моей.
Все ж не забыть мне калитки знакомой.
Где-то скрипит она и до сих пор.
Где-то в тиши деревянного дома
С жизнью моей я веду разговор.

ВРЕМЯ

Пробегает оно мимо нас,
Называется — месяц и час.
Тенью листьев дрожит на песке,
На скрипичном звенит волоске.
Обернешься: в ночном серебре
Сколько августов и сентябрей.
Все бы комнаты мне обойти,
Позабывшие в долгом пути,
На крылечках на всех посидеть,
На ушедших друзей поглядеть.
Позвонили сегодня с утра:
Умер старый знакомый. Вчера
Говорил он про завтра. (Умру, —
Позвонят ли тебе поутру?)
Сколько раз слышу я среди дня:
Нету времени у меня.
Где ж оно? Дождевой теплотой
Убегает ли сквозь решето?

Паровозом ли мчит впереди,
Ты ж в окошко вагона гляди!
Но до слез эту землю любя,
Время, время, поймаю тебя.
Посиди, поработай со мной,
Подыши на меня тишиной.
Обегая стрелой циферблат,
Научи жить со временем в лад,
Не тони, подожди, продержись,
Моя трудная, милая жизнь.

* * *

Есть между всех очарований
Неповторимое одно, —
Когда привычное названье,
Слогов коротких сочетанье
В живую жизнь превращено.

Я помню: поле, ветер, травы,
Веселье длительной езды...
И вдруг — как песня старой славы—
Пред нами вспыхнули Полтавы
Белоголовые сады.

Я помню острую тревогу,
Сильней, чем счастье, во сто крат,—
Ту первую мою дорогу
В морозном утреннике строгом
В не виденный мной Ленинград.

Уже порядком накренилась
Моей судьбы непрочной ось,
И многое уже отснилось,
Полузабылось, изменилось,
Но все же, все ж мне довелось

Сбежать по пристани в Касимов,
По узкой улочке пройти,
В ребячестве неугасимом
Набрать каких-то некрасивых
Решьев колючих по пути.

Мне довелось сквозь ветви пшата
Увидеть близко, наяву,
Две древних кровли Арарата
И разглядеть и склон шербатый
И даже блеклую траву.

Все то, что именем звенело
На картах, в книгах и речах,
Мне воздухом ласкало тело,
Кустарниками шелестело,
Хрустело пылью на зубах.

Моя неверная подруга,
О память, подожди, оставь,
Не заметай седою вьюгой
Тех дней, когда сошлись два друга —
Воображение и явь.

1941

АРМЕНИЯ

Как влюбляются в человека,
В голос, жест, висков седину,
Так под ветром большого века
Я влюбилась в одну страну.

Нужно много ночей, рассветов,
Новостроек, рек обогнуть,
Чтобы сказочный рев Дэвбэга
Холодком вдруг ударил в грудь,

Чтобы стало легко и страшно
Вдруг войти в ущелье Лори,
Чтобы в скалы входить, как в башни,
Как в былое — в монастыри.

Ветром выписанные фрески
В камнях видеть мне довелось,
Полюбить навек этот резкий
Край сухого зноя и лоз.

Я такого большого неба
Не видала еще нигде,
Звезд таких, как озера. Мне бы
Погостить на такой звезде.

Зачарованным взором вижу
Древних плит кружевной узор,
Вижу складки розово-рыжих
Этих, будто слоеных, гор.

Мы стоим у раскопок Двина,
Вот находка в моей руке, —
Времена слились воедино
В голубом этом черепке.

Словно в перекличь с давней эрой
Тут вступает армянский саз,
Ереванские пионеры
Так встречали стихами нас,

Что, бледнея от вдохновенья,
Тронул руку мою сосед,
И увидела я, в смятеньи,
На щеке его слезный след.

Сколько б мы ни жили на свете,
Не забудем мы, мой собрат,
Как поют армянские дети,
Как гортанной бронзой звенят,

Как в горячем осеннем блеске
Меж камней пробегал ручей,
Не забудем в садах библейских
Наших дружественных речей.

1940

*В ГОСТЯХ
У МАРТИРОСА САРЬЯНА*

Не спрашивал адреса смуглый шофер
И в узкий свернул переулок.
Закат был как старый персидский ковер,
Прохладой слегка потянуло...

Приветлив и ясен навстречу к нам шел
Художник, спокойный, как вечер.
И вот — мастерская, полотна и шелк
На кресле. И — бурей навстречу

С полотен обрушился, дух захватив,
Мир охры и ультрамарина,
Ашуга армянского речитатив,
Звонящий над рыжею глиной.

И синие звери, и розовый дом,
И женщины в тканях суровых —
Все было и жизнью и сказочным сном.
Весь мир в именинных обновлениях.

Но это и было правдивою той
И великолепною жизнью,
Той самой, которой живем мы в простой
И необычной отчизне.

Пылающий кадмий свой отблеск бросал
На наши притхшие лица
И капелькой солнца, чуть видно, дрожал
У мастера в мягких ресницах.

С балкона был виден седой Арарат,
Туманный и зыбкий, как вечность,
Мольберт в винограднике и виноград
Сквозной, золотистый и млечный.
Мы видели счастье. Спокоен и прост
Художник работал с ним рядом.
Мы слышали счастье: под россыпью звезд
Зурною звенела прохлада.

И пела о славе народов она,
А розы качались, багряны...
Сияла Армения, отражена
В глазах Мартироса Сарьяна.

ЗВАРТНОЦ¹

Здесь тишина. . . О тишина, такая,
Какой не знала я до этих пор.
Трава не шелестит — совсем сухая.
Орел на камне крылья распростер.

Здесь пахнет снегом недалеких гор,
И Арарат плывет, не уплывая.
Лимонный тополь, восхищая взор,
Горит свечою тонкой, не сгорая.

Ссутулившись, стоит Исаакян,
Как отягченный славой, царь армянский.
Торжественней я не видала стран,

¹ Развалины храма VII века недалеко от Эчмиадзина.

Воды не знала слаще ереванской.
Я пью ее, как мира чистоту,
Как птица капли ливня на лету.

ЗАСТОЛЬНАЯ

(Ереванская)

Товарищи! Мы в дни такие жили,
Которых не забудут никогда.
Так бились, так горели, так дружили,
Что мы не можем сгннуть без следа.

И где-то повторятся наши встречи,
И эта осень, этот поздний час.
Быть может, ветер на своем наречьи
В лорийских рощах пропоет о нас.

И если звук армянских гордых песен
Он занесет в обветренный бурьян,
Припомнят горы, как наш круг был тесен,
Как пел когда-то Наири Зарьян.

Так пусть же помнят горы, птицы, дети
В грядущего непостижимой мгле
О самом дорогом на этом свете —
О братстве и о песне на земле.

1945

ДЕВЯТОЕ МАЯ

Стой, время, стой! Врезайся в память
века —

Вот так, как есть: всей этой синевой,
Высоким ликованием человека
И — песней, песней, песней над Москвой!

Вот так, как есть! Сверканьем природы
Наперекор вчерашнему дождю
И жаркой благодарностью народа
Своим родным героям и вождю.

1945

* * *

Подумай, и припомнится мгновенье,
Когда и ты победе послужил
Поступком, словом, может быть, движеньем
И напряженьем всех душевных сил.

Долготерпеньем, верой и тревогой
Мы жили все, как вместе, как один.
Когда бойцы шли дальнею дорогой,
Мы верили, мы знали: победим.

Не все мы воины, не все герои,
Не все равно достойны этих дней,
Но если родину сравнить с горою —
Любой из нас хотя б песчинка в ней.

1945

* * *

Если очень любить — всё не страшно.
Если очень хотеть — всё придет.
Не зови свою радость вчерашней,
Не веди огорчениям счет.

Даже в горькие дни отступленья
Мнилось: может быть, завтра умру,
Но огонь моего поколенья
Не погаснет на резком ветру.

А уж если такое снесли мы,
Пустяками души не тревожь,
Ненасытны мы, неутолимы,
Нас и смертью самой не уймешь.

Что ж ты можешь, беззубая старость,
Чем ты хочешь меня одолеть?
В несгораемом сердце осталась
Золотистая звонкая медь.

Отолью колокольчик поддужный, —
Пусть расскажет, негромко звеня,
Всем, бредущим дорогою вьюжной,
Об отраде земного огня,

Насулит небывалого счастья
Тем, чьи весны давно отошли.
Одного лишь хочу я: участия
В стройном хоре воскресшей земли.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Я говорю о том, что я любила,
А я любила всё, как есть;
Работу, смех, порыв чужого пыла,
Снега, печаль... всего не счесть.
Не больше ли всего цветов тот дикий,
Что стал судьбы моей гербом,
Который назывался повиликой...
Его на пустыре любом
По запаху миндальному отыщешь,
Сквозная рюмочка цветка
Полна настоем, всех настоев чище,
Не больше одного глотка.
Сначала это было влагой счастья
Сладчайшей юности моей,
Потом пошли печали и напасти
И горечь появилась в ней.
Но, отстоявшись в днях суровой жизни,
Неиссякаемый настой

Стал полнотой моей любви к отчизне,
Целительной живой водой.
Я пью, я пью, не насыщаясь,
А незатейливый цветок
Цветет, неслышно на ветру качаясь,
У всех родных моих дорог.

* * *

Петь на краю скалы отвесной, —
Не это ли и значит — жить?
Мы ворожкой своей словесной
Хотим судьбу заморозить,

И жизни краткие мгновенья
В годáх грядущих повторить,
Чтоб мир за радость вдохновенья,
Хоть словом отблагодарить.

Когда ж, навстречу страшной бездне,
Душа, сорвавшись, полетит —
Пусть нас наплыв последней песни
В последний путь благословит.

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

ИЗ АРМЯНСКИХ ПЕСЕН

1

Ах, не нужен мне лекарь, не нужен врач!
Дай иного, иного лекарства мне.
Жжешь — не лечишь ты рану, горит —
хоть плачь.

Дай иного, иного лекарства мне.

А она: — Не тревожь, уходи скорей,
На другой, на другой ищи стороне,
Не бывает добра от таких затей, —
На другой, на другой ищи стороне,
На другой, увы, стороне.

Говорю ей: — Покоя не знаю я,
Стал бездельником, прочь бегу от жилья,
Тело чахнет, сгорает душа моя,
Дай иного, иного лекарства мне!

Отвечает: — Тебя мне не исцелить,
Сам ты горе свое научись избыть,
А не то оборвешь краткой жизни нить, —
На другой, на другой ищи стороне.

— Соловей я, а розу пожрет червяк,
Ты вложила мне в рану колючий злак.
Ах, и в книгах и в песнях грустят не так,
Дай иного, иного лекарства мне!

Говорит: — Благо ты превратил во вред,
Ни боязни, ни совести, видно, нет.
Не гаси своей жизни неяркий свет, —
На другой, на другой ищи стороне.

Я сказал: — Золотишь ты волосы хной,
Подглядел как-то раз я в тиши ночной,
Стал мне смертью любви ненасытный зной,
Дай иного, иного лекарства мне.

— Пусть я царской короны аквамарин,
Пусть ты любишь меня, как Фархад —
Ширин,
Пусть всегда мной любим был лишь ты
один, —
На другой, на другой ищи стороне!

— Ах, не спорь, не кружи моей головы,
Захлестнуло мой челн волной синевы,
Коль умру, — нет второго Саят-Новы, —
Дай иного, иного лекарства мне,
Дай, увы, иного лекарства мне!

2

Меджнун я, тоской палимый,
Лейли, недуг исцели мой!
В печали неутолимой
Я плачу кровью, сгорая, сгорая.

Ночным соловьем рыдал я,
Ронял не слезы, а лал я,
В горячке, в бреду пылал я,
Пав к изголовью, сгорая, сгорая.

Безбожником стал я ныне,
В любовной томлюсь пустыне.
«Безжалостна ты в гордыне!» —
Взываю вновь я, сгорая, сгорая.

Кричу: помогите, други,
Грудь — сад, а брови, что дуги,
Нет краше во всей округе!
Любуюсь бровью, сгорая, сгорая.

Фиалка, цветок мимозы,
Дыханье карминной розы,
Утишь Саят-Новы слезы.
Горю любовью, сгорая, сгорая.

ИЗ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ПЕСЕН

1

Розой раскрылась прелесть любимой:
Родинка — роза, щеки — роза, рот — роза.
Я соловей, любовью томимый,
Снится мне роза. Где же роза? Вот роза.

Если ловец ты, — спеши за ланью,
Если купец, — угождай желанью,
В пышном наряде сверкаешь тканью:
Вышиты розы: нечет — роза, чёт — роза.

Сада царица мной завладела,
Плачу, рыдаю я то и дело,
Сыплешь слова в разговоре смело:
Речь твоя роза, сладость — роза, мед —
роза,

Розовый куст — восхищенье взора,
Знаю, убьешь соловья ты скоро.
Время не тронет красы убора:
Вечно ты роза: месяц — роза, год — роза.

Если б хоть взглядом ты подарила,
Сердце шипом, как мечом, пронзила,
Пусть бы Саят-Нову ты спалила,
Жаркая роза, пламя — роза, жжет роза!

2

Ты кисти Индостана вдохновенье,
Лицом румяна, — золото Египта,
Сирень, тюльпана нежное цветенье;
На гибкость стана взглянешь — и погиб ты!

Приди, пленяя родинкою черной,
Ты вспыхнула зарей дороги торной;
Ни жив, ни мертв я, лишь в тоске покорной
Взываю, как Лохман: еще мгновенье!

Газель, ты гибко вытянула шею,
Сладка, как сахар, грацией своею,
Приди, голубка, злую кинь затею,
Не дай Медждуна испытать мученье.

Не гребнем — лаской кудри разделю я,
Ты — солнце, — жду, как роза, поцелуя,
Я от любви безумствую, ревную:
Бахлур я, чей удел — уединенье.

Саят-Нову разишь ты нежной дланью,
Весь Индостан — тебе да будет данью! —
Сравнима ты лишь с Ирокстанской тканью,
Кипр и Хиос отдам за кос плетенье.

3

Кровью давнишняя рана сочится,
Старая рана, — я ранен голубкой, злою
 голубкой, жестокой голубкой.
В самое сердце ты клюнула, птица,
Старая рана, — я ранен голубкой, злою
 голубкой, жестокой голубкой.

Словно Меджнун, я истерзан кручиной,
Связан я с розой судьбой соловьиной,
Каждый болеет, но раной старинной
Мучусь иначе, — я ранен голубкой, злою
 голубкой, жестокой голубкой.

Больше не весел я, — предан печали,
Легче с годами страданья не стали,
Снадобья пробовал — не помогали:
Издавна болен, — я ранен голубкой, злою
голубкой, жестокой голубкой.

Милой писал я — пропало посланье.
Рана раскрылась — ужасно страданье.
Лекарь не лечит, — к чему, мол, старанье.
Старая рана, — я ранен голубкой, злою
голубкой, жестокой голубкой.

Многое читано Саят-Новою,
Все позабыл он, поник головою,
Тщетно он лечится мазью, травою,
Старая рана, — он ранен голубкой, злою
голубкой, жестокой голубкой.

4

Да будут смертному мои слова ясны:
Знай, солнце в небе до зари не встанет.
Друзья, бегите прочь от козней сатаны,
Чужой пусть в двери сердца не заглянет.
Лампаду правды жги, а серу затуши,
Блюда спокойствие и чистоту души,

Язык нам богом дан, — злословьем не греши,
Двух струй из одного ключа не прянет.

В народе говорят: племянник с дядей схож.
Чинар плодов не даст, зато высок, пригож.
Имеет корень все, и ты в свой род идешь.
Корицей пшат благоухать не станет.

Ах, друга по душе нигде я не найду,
И, сетуя, кричу всем про свою беду,
Не рыл другому ям и сам не попаду.
Погибну я, а правда не обманет.

Саят-Нова твердит: себя от бурь укрой,
Что буря сделает с высокою горой?
На камне прочном ты очаг души построй, —
Ковчегом он в потоп всплывет, — не канет.

5

От любви мне дышать невмочь,
Жар в крови, сам себе не рад.
Кудри милой черны, как ночь.
Ты с утра фиалковый сад поливала,
поливала.

Заблудившийся соловей,
Я пощады молю твоей,
Обесславлен молвой людей,
А себя ты пред ней стократ оправдала,
оправдала.

Виночерпица, дай вина,
Жизнь моя тебе отдана.
Наковальня раскалена,
В горне сердца ты жаркий ад раздувала,
раздувала.

Дай сказать, погоди чуть-чуть,
О желанной вздыхает грудь,
Кровью застлан взор — не взглянуть!
Жжет мне грудь — так клеймом клеймят —
жар металла, жар металла.

Я в тоске и слезах живу,
Я стрелой твой язык зову, —
Для чего ты Саят-Нову —
Пред тобой он не виноват — наказала,
наказала?

О тебе распевал не один ашуг.
 Песнь моя горячей, — я сожжен, сожжен.
 Ты — свет солнца, похитивший лунный круг,
 Блеском лунных лучей я сожжен, сожжен.

Обернулась листком золотым луна,
 Принесла ты мне полный пинджан вина,
 Знаю: мудростью дивной облечена,
 Тайной женских затей я сожжен, сожжен.

Как с высоким чинаром тебя сравню?
 Срубят бедный чинар, отдадут огню.
 Ты меняешь свой облик сто раз на дню,
 Жемчугами речей я сожжен, сожжен.

Я измаян любовью, подай мне весть,
 Потерял я рассудок, покой и честь,
 Возле губ твоих родинок мне не счесть,
 Черной — цвета ночей — я сожжен, сожжен.

Сердце рвется к моей чаровнице, яр;
 Пригвоздила меня ты к темнице, яр.
 Ах, Саят-Нова в огневице, яр.
 Коль не твой, так ничей — я сожжен,
сожжен.

Микаэл Налбандян

СВОБОДА

Когда свободный бог в меня
Вдохнул дыханье человека
И брэнному созданью дал
Дар кратковременного века,
Я — бессловесное дитя,
Не зная горя и невзгоды,
Ручёнки слабые простер
К видению свободы.

Когда не спал я по ночам,
Спеленут, связан в колыбели,
И заливался и кричал,
Пока не встанет мать с постели
И не развяжет детских рук,
Ребенку малому в угоду,
Наверное тогда я дал
Обет любить свободу.

Когда от первой немоты
Освободил я голос звонкий,
И радовались все кругом
Живому лепету ребенка,
Не «мать» и не «отец» тогда
Сказал я, как велит природа, —
Нет! детские мои уста
Произнесли: «Свобода».

Свобода? — эхом прозвучав,
Судьба сурово спросила. —
Свободы воином навек
Ты хочешь стать, а хватит силы?
Тернист и тяжек будет путь
Отдавшего себя народу:
Мир узок, тесен для того,
Кто возлюбил свободу.

— Свобода! — восклицаю я. —
Пусть гром над головою грянет,
Огня, железа не боюсь,
Пусть злобный враг мне сердце ранит.
Пусть казнию, виселицей пусть,
Столбом позорным кончу годы, —
Не перестану петь, взывать
И повторять: Свобода.

Аветик Исаакян

ТЫ НЕ ПОЙМЕШЬ

Что мне весны зеленая парча?
Померк от горя блеск моих очей.
Бреду один, всю скорбь земли влача.
Не спрашивай о горести моей.

Я — угнетенного народа сын.
Идет стезей кровавой мой народ
И век за веком, в тьме глухих годин,
Насилья цепи ржавые грызет.

И я в плену старинных этих пут
Повержен ниц, припал к земле, стена.
Прохожие, поправ меня, идут.
Нет, нет, не плачь, не утешай меня.

Святое слово матери грязнят,
Всё: родину и сердце — жизнь мою
Они терзают, повергая в ад.
Ты не поймешь, что в сердце я таю.

О горстка пепла, — сырый мой народ,
Я кровью сердца о тебе пишу,
Мне боль твоя, как пламя, душу жжет.
Я в сердце раны родины ношу.

Летать хотел бы с птицей наравне,
Любить, мечтать... но цепи не легки:
Ярмо народа давит плечи мне.
Нет, не постичь тебе моей тоски.

Великим гневом болен навсегда,
Я сам себя сгублю тем ядом... Что ж,
Пускай умру, исчезну без следа, —
Моей смертельной скорби не поймешь.

1902

* * *

Рано поутру
По лугам вдвоем
С мальчиком моим
Мы гулять идем.

Рвет цветы дитя,
Напевает им, —
Как, бывало, я
Пел цветам другим.

Тяжек миг один,
А года легки;
Пронеслись они —
Ныне далеки.

Время на глазах
Превратилось в сон:
Я — прошедший день,
Настоящий — он.

А грядущий день
Тьмой могильных плит,
Словно тусклый глаз,
На меня глядит.

1914

* * *

От любовной тропы в стороне
Позабытою розой цвету.
Пыль дорог оседает на мне,
Пылью скрытою розой цвету.

Нежно клонит красавица взор
Над садовым душистым цветком.
Дикой розою солнечных гор
Я созрела под знойным лучом.

Я ничьих не поражаю глаз,
Сиротливо мое забытье...
Злая зависть шипами впиалась
В одичалое сердце мое.

1901

* * *

Никто не понял скорбных слез моих,
Рукою нежной ран не исцелил.
Никто не холил грустных роз моих,
Благоуханья песням не дарил.

Я за участие жизнь готов отдать, —
Ах, если б я был понят и любим.
На свете выше блага не сыскать,
Чем счастье служения другим.

Так много и любил и плакал я, —
Никто не понял скорбных слез моих.
Так жаждал я в пустыне бытия, —
Никто не полил грустных роз моих.

1904

* * *

Брожу в лесу меж глухих прогалин,
Сова и ворон мне говорят:
«Ай, бедный нарень, как ты печален.
Ты, верно, болен», — говорят.

Брожу я молча в лесу багряном,
Деревья брызжут с ветвей росой:
«Ай, глубока в твоём сердце рана,
Мы горько плачем над тобой».

Под ветром листья зашелестели,
И золотая кружит метель:
«Ай, бедный парень, то листья стелют
Твою последнюю постель».

1899

* * *

Мне снилось: я раненный в сердце лежал
Один на прибрежном песке,
Баюкал меня набегающий вал,
Забылся я в тихой тоске.

Мне снилось: веселою песней звеня,
Товарищи мимо прошли.
Никто не позвал, не окликнул меня,
И песня умолкла вдали.

1901

* * *

Бежит, журчит ключевая струя,
Долиною роз в ущелье бежит.
Ах, нет, это яр, хохотунья моя,
С другим — не со мной — венчаться
спешит.

Ну что же, забудь обо мне, ступай,
Дай бог тебе счастья с другим, сестра.
Мне к новой подруге в далекий край
В богатом наряде спешить пора.

Ах, в черную ночь, на черном коне
Поеду я к ней, с оружием в руках.
Она меня ждет, грустя обо мне,
Тоскуя вдали, в степях и горах.

Эй, ветер, не ты ль красавица яр?
Эй, буря, лечу венчаться с тобой:

Тебе я несу любовь свою в дар,
В объятьях твоих мой смертный покой.

Шумят тополя... Сквозь ветер, туман
Далеко уносится шум... О мать,
Тот шум будешь часто ты слушать, джан,
Но сына речам тебе не внимать.

Паду от родной земли вдалеке,
В степи, беспощадным зноем палим.
Мне выроет конь могилу в песке;
Усну в ней один я с горем своим.

1902

* * *

Старый друг, родник,
Были дни: вплетал
Свои песни я

В звонких струй кристалл
А теперь устал,
Молчаливым стал.
Твой же легкий бег
Не умрет вовек.

1913

Наири Зарян

* * *

Не знал я детства беззаботных дней
И молодости легкой, без печали.
Над буйным вязом юности моей
Шумели бури, ствол его качали.
И те цветы, которым бы цвести
Под ясным солнцем юношеских вёсен,
Цветут теперь, в мой полдень, на пути
В пылающую урожаем осень.
Не оттого ли и душа моя
Неистова, как шумный ливень вешний,
Не оттого ль так беспокоен я, —
В моей душе весна и утро — вечны.

ОТЧИЙ ДОМ

Я в сновиденьи памятью ночью
Воссоздавал знакомый отчий дом:
Большое небо детства надо мною
Раскинулось в сияньи молодом,

Со мною мать сидела, как бывало,
И по-армянски бормотал ручей,
И дерево мне песню напевало
Весенним легким шорохом ветвей.

А тонкий луч, проскальзывая в окна,
Жизнь открывал мне золотым ключом.
Смотрело солнце материнским оком.
Весь мир был ясен, прост, как отчий дом.

* * *

На чужом ты сгорела огне,
Мне досталась лишь горстка золы,
Лишь в очах, в тайнах пепельной мглы,
Тлеет искоркой грусть обо мне.

Я б хотел принести тебе в дар
Все неспетые песни мои,
Я б в любовном хотел забытьи
Вновь раздуть эту искру в пожар.

Поздно, друг... Дал я верный обет
До конца моей жизни земной, —
Я в плену у заботы иной
И не знаю, — живу или нет

НА СЕВАНЕ

Гроза промчалась. Спит лазурь,
Померкшая в ночном молчаньи,
Порой переводя дыханье,
Уставши от недавних бурь.

Как этот горный водоем,
Моя душа теперь спокойна.
Гляжу я, в сумраке ночном,
На небо с моего балкона.

И мысль крылатая летит
Вдаль к зачарованным светилам:
Быть может, там, с таким же пылом,
Мечтает кто-то и творит.

И мнится: вон, на этой дальней
Звезде, какое-то созданье
Сидит у моря в тишине
И также грезит обо мне,

* * *

Ты сама загрустишь, заскучаешь,
Если я на дороге твоей
Темным вязом не встану, качаясь,
Там, где плачет осенний ручей.

Голос мой, словно звон отдаленный,
Словно оклик с озерного дна,
Ты услышишь и вздрогнешь смущенно,
В час, как из дому выйдешь одна.

Но меня не найдешь ты. С друзьями
Вашей улицей я не пройду.
Ты вернешься с пустыми руками,
Даже слезы оставив в саду.

ЮНОША И СМЕРТЬ

Баллада

Давно это было. О том
Осталась в народе молва...
Стоял у источника дом,
Жила в этом доме вдова.

Деревья шумели кругом,
Омыты струей голубой.
Жила она с сыном вдвоем,
Довольная скромной судьбой.

Но буйная жизнь не шутя
Касается детских сердец, —
И раз спросило дитя:
— Родная, а где мой отец?

— Скончался отец твой, сынок,
Навек погрузился он в сон.

— А долго разлуки той срок,
Домой не воротится он?

— О, нет, он ушел навсегда... —
Вздыхнувши, ответила мать. —
И сами уйдем мы туда:
Живущих удел — умирать.

И мальчик с тех пор загрустил.
Овеян дыханьем тоски,
Он часто в раздумьи бродил
У быстро бегущей реки.

Приходят, уходят года,
Цветет, отцветает весна,
А юноша грустен всегда,
Сомненьем душа стеснена.

И раз он промолвил: — Прости,
Но смерти не стану я ждать.
Я должен, родная, итти
Бессмертия край отыскать.

— Нет края такого нигде,
Его не отыщешь вовек,
Везде, моя радость, везде
Умрет в свой черед человек.

Но с матерью нежно простясь,
Отправился юноша вдаль.
Бежала дорога, виясь,
И цвел у дороги миндаль.

Цветы полевые цвели, —
И молвил скиталец: — Друзья
Бессмертны вы, дети земли,
Пусть стану таким же и я.

Но стебли качнулись. Летя,
Опали цветок за цветком:
— О, нет, ты ошибся, дитя...
Мы тоже, как люди, умрем.

Но знаю, что снова придет
Весна в обновленной красе.
Так пусть мы умрем в свой черед,
Спокойно и мирно, как все.

А смерти нам не миновать,
Прервется земная стезя.
Живущих удел — умирать,
Его нам избегнуть нельзя.

Он снова побрел по земле,
Забрезжил ликующий день,
И видит он вдруг: на скале
Стоит легконогий олень.

Как крепкие сучья, — рога,
Как стебли цветов на лугах,
И будто горят жемчуга
На этих ветвистых рогах.

Подняв очарованный взор,
Спросил его путник: — Скажи,
Ужель и средь царственных гор
Над смертью не властвует жизнь?

— Здесь смерть и бессмертие есть,
Зовется Горою Добра
Утес мой. Здесь слава и честь
Ждет тех, чья дорога мудра.

Взгляни на рога: сосчитай
Жемчужины славы на них.
Ты долю свою увенчай
Блистаньем деяний больших.

Коль хочешь бессмертия ты,
Добром озари бытие,
Нет гибели для красоты —
Прославится имя твое.

А смерти нам не миновать,
Прервется земная стезя.
Живущих удел — умирать,
Его нам избежать нельзя.

Но юноша дальше пошел,
И видит он острый утес,
Там ворон, и черен и зол,
Над бездной стенаний и слез.

— Скажи, чернокрылый, ужель
От смерти себя не сберечь,
И здесь в ледяную постель
Придется живущему лечь?

— Здесь смерть и бессмертие есть.
Ты видишь Ущелие Зла.
Великая будет здесь честь,
Свершившему злые дела.

Коль хочешь бессмертия ты,
Злодейством отметь бытие,
Во мраке глухой немоты
Прославится имя твое.

А смерти нам не миновать,
Прервется земная стезя.
Живущих удел — умирать,
Его нам избегнуть нельзя.

— Нет, злу я служить не могу! —
И юноша дальше идет,
И вот — на морском берегу
Пред ним незнакомка встает.

Над ней ослепительный свет,
В очах — голубой океан,
И в дивные ткани одет
Красавицы царственный стан.

— Откуда пришел ты сюда,
И как ты найти меня смог?
Живой человек никогда
Еще не входил в мой чертог.

Зачем ты бродил среди скал?
Лишь храброго в край свой пущу!
И юноша смело сказал:
— Я жизни бессмертной ищу, —

И если в чертоге твоём
Нет смерти, я здесь поселюсь.
Прими меня в светлый свой дом, —
Я к вечному счастью стремлюсь.

Ответила дева ему:
— Зовут меня Временем. Я
Несу сквозь извечную тьму
И радость и боль бытия.

Улыбка моя родила
Светила, цветы и моря.
Сменяя делами дела,
Живу я, над миром паря.

Кружится под взором моим
Вселенная много веков;
И тают, как розовый дым,
Года и стада облаков.

Я смерти не знаю. Со мной
Найдешь ты свершенье мечты,
Но сам же душою земной
Устанешь от вечности ты.

И в том отдаленном краю
Остался наш путник и жил
В блаженном беспечном раю,
В кружении вечных светил.

За кругом свершая свой круг,
Года за годами текли.
И вспомнились юноше вдруг
Забытые песни земли.

И вспомнился дом у ручья,
И старая кроткая мать,
И дней миновавших друзья.
И юноша стал тосковать.

Царице видений ночных
Сказал он: — Томит меня грусть,
Хочу я проведать родных,
Взгляну и обратно вернусь,

Она засмеялась: — Увы,
Немало воды утекло,
Немало повяло травы
И все, что любил ты, — прошло.

Но юноша, с девой простясь,
Ушел, чтоб найти свой приют.
И видит он: тучи, клубясь,
Над вороном мертвым плывут.

Немало воды утекло,
Но свет не рассеял здесь тьму
Попрежнему царствует зло —
Проклятье, проклятье ему!

И юноша дальше идет,
Сменяется вечером день,
И видит: средь горных высот
Спит окаменелый олень.

На мертвых ветвистых рогах
Сияют росой жемчуга,
Как стебли цветов на лугах,
Летающие к небу рога.

И голос, как звон серебра,
Раздался из-за облаков:
Великая сила добра
Бессмертна вовеки веков.

Вдруг ветер родимой земли
Повеял, как прежде, в лицо, —
В дорожной стояло пыли
Миндальное то деревцо.

«Прохожий, — шепнуло оно, —
Пусть падают листья с ветвей,
Умершим глядеть суждено
Глазами живущих людей».

Узнал он родные места,
Но там, где лишь поросль была,
Шумит, и темна и густа,
Дубрава... А вон у ствола

Бежит обмелевший ручей...
Но где же тот старенький дом?
Ни матери нет, ни друзей,
Никто ему здесь не знаком.

Заплакал мечтатель в тоске:
— Ужели я жизнь проиграл?
Я счастья искал вдалеке
И сам же себя обокрал.

И вспомнил он старую мать,
И Время, и прошлые дни,
Которых нигде не сыскать..
Пропали, повяли они.

И, тихо склонясь над водой,
Увидел, поверив едва,
Что стала, как пепел седой,
Шальная его голова,

Что очи потухли навек,
Что молодости не вернуть...
— Напрасно хотел, человек,
Найти ты к бессмертию путь.

Бессмертье тому суждено,
Кто служит родимой земле,
В признание народа оно
Да в детском сердечном тепле.

А смерти нельзя миновать,
Безумный, безумный старик,
Живущих удел — умирать. . .
Шептал ему старый родник.

СОДЕРЖАНИЕ

ПО РУССКИМ ДОРОГАМ

„Повиликой молодость повяла“	5
Поэзии	7
Зима 1941—1942 гг.	9
Наша муза	11
Война	12
Прилуки	14
Москве	16
К юм	17
Поэту-фронтовику	18
Замоскворечье	20
„Когда мы будем праздновать победу“	22
„Всю жизнь у жизни мы в долгу“	24
„День стоит большою чашей“	26
„Только бы и петь о том“	27
„И старость тоже хороша“	28
Воспоминания	30
Ярославна	34
Зимой в Михайловском	37
Литературный вечер	39
„Красноармейцы слушают Шопена“	41
Саратовская земля	43
К поргрету матери	53
Калитка	57
Время	59
„Есть между всех очарований“	61
Армения	61
В гостях у Мартироса Сарьяна	67
Звартноц	69
Застольная	71
Девятое мая	72

„Подумай, и припомнится мгновенье“	72
„Если очень любить—все не страшно“	73
Надпись на книге	75
„Петь на краю скалы отвесной“	77

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Саят-Нова

Из армянских песен

1. „Ах, не нужен мне лекарь, не нужен мне врач!“	81
2. „Меджнун я, тоской палимый“	83

Из азербайджанских песен

1. „Розой раскрылась прелесть любимой“	85
2. „Ты кисти Индостана вдохновенье“ . . .	86
3. „Кровью давнишняя рана сочится“ . . .	87
4. „Да будут смертному мои слова ясны“ .	88
5. „От любви мне дышать невмочь“	89
6. „О тебе распевал не один ашуг“	91

Микаэл Нлбандян

Свобода	92
-------------------	----

Аветик Исаакян

Ты не поймешь	94
„Рано поутру“	96
„От любовной тропы в стороне“	98
„Никто не понял скорбных слез моих“ . . .	99
„Брожу в лесу меж глухих прогалин“ . . .	100
„Мне снилось: я раненный в сердце лежал“ .	101
„Бежит, журчит ключевая струя“	102
„Старый друг, родник“	104

Наири Зарян

„Не знал я детства беззаботных дней“	105
Отчий дом	106
„На чужом ты сгорела огне“	107
На Севане	108
„Ты сама загрустишь, заскучаешь“	109

Гегам Сарьян

Юноша и смерть	110
--------------------------	-----

Ответств. редактор *Сергей Бородин*. Технич. ред.
А. Кирнарская. Художник *М. Компанеец*.

М 02910. Подписано к печати 30/IV 1946 г. Печатн.
л. 37/8. Уч-изд. л. 3,6. П. л. 3,41. Тираж 10 000.
Форм. бум. 70X¹⁸/₆₄. Цена 3 р. 50 к. Зак. № 40.

Типография № 3. Управления издательств
полиграфии Исполкома Ленгорсовета

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
45	1 св.	смоляный	смоляной
68	6	притхшие	притихшие
72	4 сл.	сверканьем	сверканием

Звягинцева. „По русским дорогам“.

3 р. 50 к.

6 1. 1. 1961 года
Цена _____ Руб. 35 коп.